

[ПАМЯТИ ПОЭТА]

Александр ЕРЁМЕНКО

(1950-2021)

Евгения КОРОБКОВА

АЛЕКСАНДР ЕРЁМЕНКО: КОРОЛЯ ПОЭТОВ И МАСТЕРА ПО РЕМОНТУ КРОКОДИЛОВ ВОЗВРАЩАЛИ К ЖИЗНИ КОТЫ

21 июня умер русский гений Александр Ерёменко. Ерёма, как называли его поэты. Ему было семьдесят. Он жил на Патриарших в комнатухе на семь квадратных метров. За последние два года трижды умерал. Но всякий раз его спасали кошки.

Гений твой не может быть измерен.
С южных гор до северных морей
ты себя навек запараллелил
с необъятной родиной моей.

Эти строки поэт посвятил своему другу, астрологу Игорю Александровичу Антонову. Но их вполне можно отнести и к самому Ерёме. Он действительно «запараллелил».

Пик его славы пришёлся на восьмидесятые. Тоненькая книга «Добавление к сопромату» на тридцать страничек, выпущенная библиотечкой «Огонёк», по сути, стала лучшей из написанного. В неё вошли главные его стихи, которые помнят и знают наизусть.

«В густых металлургических лесах, где шел процесс добычи хлорофилла...»

«Осыпается сложного леса пустая прозрачная схема...»

«Сгорая, спирт похож на пионерку»

И ещё вот это, знаменитое, от чего приходили в экстаз советские женщины:

Я добрый, красивый, хороший
и мудрый как будто змея.
Я женщину в небо подбросил –
И женщина стала моя.

Он ворвался в поэзию в восьмидесятые, после первой же публикации в журнале «День поэзии». Его опубликовала Лариса Васильева, мастер Литинститута:

«Странный человек. Пишет как будто не словами, а гайками и болтами», – говорила она.

И действительно. Ерёменко хулиганил в стихах и тащил туда то, что опоэтизировать было невозможно. Питал особую слабость к гайкам, разводным ключам и металлоконструкциям. То дебильная девочка, гуляющая по железнодорожной насыпи «К болту на 28 подносит ключ на 18». То неожиданно «в глуши коленчатого вала в коленной чашечке кривой» пролетала «густая ласточка» по «возмутительной кривой».

Мемом стал финал знаменитого стихотворения «Мы поедem на "А" и на "Б"»:

Вдоль железной резьбы, по железной резьбе
Мы поедem на "А" и на "Б".

И как только не переиначивалась эта фраза (позаимствованная, кстати, у Мандельштама). И не только как «Мы поедem с тобою на Х и на Б» – первое и самое простое, что может прийти в голову.

Облако славы шло впереди него. Его стихи знали наизусть. После выступлений к нему выстраивались очереди. А сам он был мужик мужиком и совсем не походил на поэта.

«...поэтический гений вселился в мореплавателя и математика, который приложил к окружающему миру "хищный глазомер простого столяра"», – писали о нём.

Неужели просто взял и своровал?

Помню своё знакомство с Ерёменко, в середине двухтысячных, когда руководитель поэтического объединения «Студенческий Парнас» в Челябинске решила блеснуть знаниями.

– Как сказал, кажется, Александр Ерёменко: «Русь, ты вся поцелуй на морозе»!

Мастера тут же поправил Саша Сериков, умный мальчик в очках:

– Это не Ерёменко, а Хлебников. Совершенно точно.

– Как же так! – расстроилась руководительница. – Неужели он просто взял и своровал?

Разве так можно?

Приём, не дошедший до провинции даже в двухтысячные годы, Ерёменко блестяще освоил и разработал в восьмидесятые. В этом умении «воровать» и состоял главный принцип стиха Ерёменко. Критика присвоила ему титул короля русской центонной поэзии. Одним из первых он стал использовать цитаты, но по-новому, как новый литературный материал. Активнее всего заимствовал у Мандельштама. Впрочем, не только:

Да здравствует старая дева,
когда, победив свою грусть,
Она теорему Виета
запомнила всю наизусть,
...
Малярит, латает, стирает,
за плугом идёт в борозде,
и северный ветер играет
в косматой её бороде!

Он родился в 1950 году на Алтае в крестьянской семье. Приходился двоюродным дядей актёру Николаю Ерёменко-младшему, сыгравшему в «Пиратах XX века». (Старший Ерёменко и вовсе был ему двоюродным братом).

В жизни хлебнул сполна. Работал на красноярских стройках, служил матросом... Был рыбаком на Камчатке.

«На Камчатке было столько, что всё, что было потом, кажется смешным», – признавался Ерёменко.

В 1974 году он поступил в Литинститут на заочное отделение, делая перерывы в обучении, чтобы вернуться на Камчатку, которая его не отпускала.

Я мастер по ремонту крокодилов.
Окончил соответствующий вуз.
Хочу пойти в МГИМО, но я боюсь,
что в эту фирму не берут дебилов.

Писатель Владимир Кравченко, одноклассник Ерёменко, вспоминает о нём так:

«Странный диковатый парень в оранжевых клешах, вынырнувший из глухого болота провинции, не умеющий разговаривать и вести беседу, зато умеющий читать ТАКОЕ и ТАК, что никаких сомнений с первой минуты – поэт!»

Кстати, впоследствии свой навык общения Ерёменко «прокачал». В последние годы он, если и выступал когда, то рассказывал истории. «Рассказать историю» его просили и на вечере в театре Фоменко, где состоялось одно из его последних выступлений.

В сегодняшних некрологах многие СМИ запутались, назвав Ерёменко «метаморфистом» и чуть ли не «морфинистом». (Вот бы он посмеялся). Но в восьмидесятые формулировка «метареалист» или «метаметафорист» была знакома каждому интеллигенту.

Метареализмом называлась «поэзия подчёркнутых слов», где каждое слово обретало дополнительный смысл и значило больше, чем просто слово.

А первыми хрестоматийными метареалистами (или метаметафористами) называли троих: Ивана Жданова, Алексея Парщикова и Александра Ерёменко.

Кстати, стихи у них были абсолютно разными. И даже, несмотря на то, что Жданов тоже был родом с Алтая, а с Парщиковым они учились вместе, метареалистов мало что объединяло. Они различались по поэзии, по темпераменту и даже по происхождению.

Вот цитата Владимира Кравченко, одноклассника поэта:

«Парщиков... к физическому труду не привлекался, в армии не служил, браки с москвичками и иностранками как средство передвижения, заграница, университеты, премии, смерть в фешенебельном немецком госпитале».

У Ерёменко было все иначе: стихи, вино, друзья, друзья, друзья, вино, стихи, стихи, стихи, стихи...

Приманиваю креведко кареткой

Критики тоже отмечали, что общего у метареалистов мало. И если чем они объединены, то это принципом непонятности. По крайней мере, так решил Сергей Чупринин, автор знаменитой статьи «А что за сложностью?..», опубликованной в 1984 году в «Литературной газете».

Туда, где роца корабельная
Лежит и смотрит, как живая,
выходит девочка дебильная,
по жёлтой насыпи гуляет.

....

Чего ты ищешь в окружающем
металлоломе, как примата,
ключи вытаскиваешь ржавые,
лопатой бьёшь по трансформатору?

...

Больше всего Ерёменко веселился от того, что в стихотворении про дебильную девочку основные упреки критики пали на строчки:

Ей очень трудно нагибаться,
она к болту на 28
подносит ключ на 18,
хотя её никто не просит.

– Меня ругали: нет таких ключей, ключи могут быть только нечётными, – рассказывал поэт. – Других недостатков, кроме этого, критики не видели.

Когда его спрашивали, понимает ли он, о чём его поэзия, отвечал, что не всегда:

– Язык – живой организм. Надо иметь честность не насиловать его, а идти по его направляющим, которые язык и подсказывает. Тогда будут получаться живые стихи, пусть и «тёмные» иногда.

Интересно, что стихи его кажутся очень лёгкими, а писались они – подолгу, в несколько приёмов. Писатель Александр Иличевский вспомнил такую историю:

«Александр Ерёменко вставлял лист бумаги в пишмашинку и начинал стихотворение. Лист мог заполняться очень долго. Однажды Алексей Парщиков спросил друга: «Что-то давно не двигалась каретка. Почему?» «Потому что я на каретку приманиваю креветку. В арматуре этого текста должна появиться креветка, – я её сейчас переживаю и хочу воспроизвести», – ответил Ерёменко. И тут же присел за стол и закончил.

В девяностые Ерёменко одним из первых освоил компьютер и стал ещё и первоклассным верстальщиком. К сожалению, поэтический дар ушёл от него. Выступал поэт мало, а если и читал из нового, что нечто маловразумительное:

В унитазах не тонет окурки.
Я, наверно, вообще полудурок.

Но, как говорил один поэт, именно молчание Ерёменко стало главным поэтическим высказыванием 21 века.

Что произошло

Поэт постоянно попадал в переплёт. В молодости он мог погибнуть тысячу раз на Камчатке, вместе со своими друзьями-моряками. На рыболовецком судне он отморозил уши при минус сорока шести. Однажды гружёное рыбой «под жвак» судно перевернулось и потом ещё несколько месяцев море вместо рыбы выбрасывало тела людей.

Там, на Камчатке, погиб его родной брат, провалившись под лёд... Но всякий раз поэт спасался чудом. Он действительно любил жизнь, и она была ему интересна.

В чулане вечности противном
над безобразною планетой
летала ласточка активно,
и я любил её за это.

В последние годы Ерёменко страдал от рака горла. Он уже не мог говорить и только писал в блокнотике, если ему что-то было нужно. Правда, несмотря на диагноз, курить поэт не бросил.

За последние два года несколько раз положение признавали безнадежным. Однако всякий раз спасали коты. По крайней мере, так верила семья.

В последний раз Ерёменко забрали в больницу в мае. Он попал в «Коммунарку» с коронавирусом и никто не верил, что при своих сопутствующих болячках поэт вернётся. Однако, снова чудо. Сначала любимый пушистый рыжик ушёл на радугу, а через несколько недель – Ерёменко выписали.

«За последние полтора года обрывается уже третья кошачья жизнь в нашей семье... Мистика, но каждый раз это печальное событие совпадало с чудесным возвращением Саши к жизни из уже, казалось бы, безнадежного состояния», – писала жена поэта.

Скажу тебе, здесь нечего ловить.
Одна вода – и не осталось рыжих...

Эти пророческие строки поэт написал двадцать лет назад. Он не имел в виду ни воду в лёгких, ни рыжего кота. Он посвятил это ушедшему в иной мир поэту Борису Рыжему. Посвящение стало едва ли не последним сильным стихотворением Ерёменко.

Как там у вас?
....
«Не слышу, Рыжий, подойду поближе».

По неведомым космическим законам рыжий зверь вернул поэта к жизни. Но ненадолго. Александра Ерёменко не стало через месяц после выписки из Коммунарки. Поэту было семьдесят лет.